

«ВЕК ПРОШЕЛ, ЧИСЛО СМЕНИЛОСЬ – НИЧЕГО НЕ ИЗМЕНИЛОСЬ»:

К СТОЛЕТИЮ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ БЕСЕД
АЛИМАРДАНА ТОПЧИБАШЕВА В СТАМБУЛЕ

Яна Амелина

Кавказский геополитический клуб, Москва/Владикавказ

Abstract

A century has passed since Alimardan Topchibashev, Envoy Extraordinary and Minister Plenipotentiary of the Republic of Azerbaijan, was holding his diplomatic conversations in Istanbul. Notes on his impressions of his meetings with representatives of the Ottoman Empire's government circles, as well as with European and eastern diplomats, were published in 1994 in Baku as a separate book, "Diplomatic Conversations in Istanbul". What really impresses in the "Conversations" above all, is neither the personality of the author (no doubt, very interesting in itself), nor the proper content of his talks, but the obvious parallels with the present-day reality. The essence and driving forces of events in Europe and the Middle East have not changed at all over the century.

Keywords: Alimardan Topchibashev, Azerbaijan Republic, Turkey, Karabakh, Russia's Policy in the Caucasus, Iran, «Independent» Ukraine

Аннотация

В 2018 г. исполняется сто лет со времени проведения чрезвычайным посланником и полномочным министром Азербайджанской Республики Алимарданом Топчибашевым дипломатических бесед в Стамбуле. Записи его впечатлений от встреч с представителями правительственных кругов Османской империи, а также европейских и восточных дипломатов, были изданы в 1994 г. в Баку отдельной книгой «Дипломатические беседы в Стамбуле». «Беседы» производят огромное впечатление, причем не столько личностью автора (хотя она сама по себе очень интересна) или непосредственным содержанием разговоров, сколько четкими параллелями с современной нам реальностью. Суть и движущие силы происходящих в Европе и на Ближнем Востоке событий за столетие совершенно не изменились.

Ключевые слова: Алимардан Топчибашев, Азербайджанская Республика, Турция, Карабах, политика России на Кавказе, Иран, «самостийная» Украина

В 2018 году исполняется сто лет с того времени, когда **Алимардан Топчибашев** вел свои дипломатические беседы в Стамбуле. Записи чрезвычайного посланника и **полномочного министра**¹ **Азербайджанской Республики**² о международной

¹ В апреле-июле 1906 г. – депутат от Бакинской губернии и председатель мусульманской фракции I Государственной думы, один из авторов «Выборгского воззвания»; с 20 августа 1918 г. – чрезвычайный посланник и полномочный министр Азербайджанской Республики в Стамбуле; с октября 1918 г. – министр иностранных дел АР. 7 декабря 1918 г. заочно избран председателем парламента АР, 28 декабря 1918 г. назначен председателем азербайджанской делегации на Парижской мирной конференции, фигурирующей в документах, как «мирный конгресс».

ситуации в октябре 1918 – январе 1919 гг. выпустило в 1994 г. бакинское издательство «Эргюн».³

Эта небольшая (всего 159 страниц) книга – издание подлинника рукописи Топчибашева, записывавшего свои впечатления от встреч с представителями правительственных кругов разваливавшейся на глазах Османской империи⁴ и бесконечного круговорота советников, посланников и авантюристов всех мастей и национальностей, обдываявших в Стамбуле разного рода политические дела, – производит колоссальное впечатление. Прежде всего – даже не личностью автора (хотя она сама по себе очень интересна) или непосредственным содержанием его разговоров столетней давности, а теми параллелями с современной нам реальностью, которые столь четко прослеживаются в «Дипломатических беседах в Стамбуле».

«Теперь вы остались одни и сами по себе»

Интересно проследить, как стремительно меняется отношение официального Стамбула к внезапно появившемуся на карте мира Азербайджану (которому поначалу, хотя бы на словах, обещали - и даже отчасти оказывали - всевозможную поддержку и помощь) в зависимости от положения Турции на дипломатических и военных фронтах, и как невероятно велики эти изменения, произошедшие всего за три месяца.

Топчибашев свидетельствует, что существование независимого азербайджанского государства изначально связывалось только и исключительно с поддержкой – политической и иной – со стороны Стамбула. «Нет слов выразить большую благодарность великой нашей союзнице и покровительнице Турции в вашем лице за стремление видеть Азербайджан самостоятельным государством, – говорит Топчибашев **великому визирю Талаат-паше** во время их первой встречи 2 октября 1918 г. – В разрешении этого вопроса все наше будущее: от него зависит, быть или не быть (жизнь или смерть) на свете азербайджанским туркам. ...*Азербайджанские мусульмане считают себя турками*, и мы надеемся, что и в этом мы получили полное признание» (стр. 10).

В начале миссии Топчибашева турецкие должностные лица активно заверяют его в поддержке молодого государства, раздают представителю Азербайджана многочисленные обещания. «Турецкое правительство, нет сомнения, всегда готово прийти к вам на помощь», - уверяет 2 октября 1918 г. **министр иностранных дел Турции Ахмед Насими-бей** (стр. 13). На следующий день Топчибашев благодарит военного **министра Турции Энвер-пашу** за поставку «вооружения, оружия и прочей военной амуниции», а также тяжелых орудий, и выражает надежду на новые поставки, а также прибытие в Азербайджан турецких «специалистов по изготовлению всяких снарядов» (стр.17).

Однако всего через три недели Стамбулу становится не до Баку в целом и не до Топчибашева в частности. «Да, время идет быстро, и все меняется, а теперь не по дням, а по часам, - печально говорит ему на аудиенции 21 октября 1918 г. **новый великий визирь Турции Иззет-паша**. - Посмотрите, что было вчера и что

² Провозглашенной 28 мая 1918 г.

³ А.А.Топчибашев, *Дипломатические беседы в Стамбуле (1918-1919 гг.)*, Баку, 1994 г. Здесь и далее беседы Топчибашева цитируются по данному изданию с указанием страниц.

⁴ Османская империя участвовала в Первой мировой войне в составе блока Центральных держав и вместе с ними потерпела сокрушительное поражение.

происходит сегодня... Вчера еще мы находились в положении, когда могли чувствовать себя хорошо, а сегодня мы... побеждены» (стр. 19). И хотя Алимарданбек по-прежнему уверяет, что «все азербайджанцы преисполнены искренних чувств благодарности турецкому правительству за все сделанное Азербайджану» и продолжает настаивать на поддержке, «в которой мы так еще нуждаемся», Иззет-паша меланхолично отвечает: «Естественно, естественно: старший брат всегда будет и должен помогать младшему, в чем только может. Но вы сами видите, что обстоятельства изменились, изменилось резко положение наше и наших союзников. Слово теперь не за нами, а за Вильсоном⁵ и его сторонниками» (стр. 20).

К 27 октября 1918 г. – встрече с **новым министром иностранных дел Турции Наби-беем** – Алимардан Топчибашев уже преисполнен раздражения, которое особо не пытается скрыть. «Я уже около месяца здесь», – говорит он министру, перечисляя встречи с его предшественниками по кабинету и указывая на министерский кризис как причину явной пробуксовки вопроса о становлении независимого Азербайджана и в Стамбуле, и в Европе (стр. 22). «Мы по-прежнему будем относиться к Азербайджану любовно и поможем, чем в силах, так как желаем, чтобы ваше молодое государство сорганизовалось и крепло, – дает дежурные обещания Наби-бей. – Но, конечно, изменившееся радикально положение наше, к сожалению, не дает нам возможности действовать прежним темпом» (стр. 23). Он прямо отказывает Азербайджану в дальнейшей военной поддержке, объясняя это давлением держав-победительниц.

Еще более жесткий разговор происходит 3 ноября 1918 г. с **морским министром и председателем турецкой делегации на Батумской и Трапезундской конференциях**⁶ Рауф-беем. Топчибашев возмущен тем, что в перечне условий подписанного Турцией Мудросского перемирия есть пункты, касающиеся Азербайджана, но не согласованные с ним: «Мы не участвовали при переговорах ваших с антантистами и без нашего ведома столица Азербайджана, Баку, и наша Закавказская железная дорога отданы англичанам». Рауф-бей, прерывая, отрицает подобные договоренности, подтверждая, впрочем, что представители Антанты действительно настаивали на этом. Но Топчибашева тревожит другое: «в переговорах турецкого правительства с антантистами не было места суждениям о Баку, вам, Турции, не принадлежащем».

Морской министр рассказывает, как туркам выкручивали руки, азербайджанский дипломат вспыхивает: «Дело получает такой оборот, что вряд ли будет польза от моего пребывания здесь, почему я предпочел бы сейчас вернуться обратно в Азербайджан». «Как знакомый хорошо с создавшимся положением, считаю

⁵ Вудро Вильсон – 28-й президент США (1913-1921 гг.). Четырнадцать пунктов Вильсона – проект мирного договора, завершавшего Первую мировую войну, – включал, в том числе, п.5, гласивший: «Свободное, чистосердечное и абсолютно беспристрастное разрешение всех колониальных споров, основанное на строгом соблюдении принципа, что при разрешении всех вопросов, касающихся суверенитета, интересы населения должны иметь одинаковый вес по сравнению со справедливыми требованиями того правительства, права которого должны быть определены». Документ пользовался невероятной популярностью в послевоенной Европе, на него возлагались огромные надежды, однако предложения Вильсона были реализованы лишь частично.

⁶ Речь идет о переговорах между делегациями Турции и Закавказского сейма о заключении мирного договора, проходившие в марте-апреле 1918 г. в Трабзоне и в мае 1918 г. в Батуми.

обязанным себя вам заявить, что никакое противодействие сейчас пользы не может дать», – непреклонен Рауф-бей. По его словам, если бы Турция не согласилась на условия победителей, то «мы должны были бы проститься с мыслью о дальнейшем существовании турецкого государства». Он советует Топчибашеву «приложить все усилия, чтобы получить признание самостоятельности Азербайджана», для чего следует вступить в переговоры с прибывающей в Стамбул «делегацией антантистов». «Получается положение, из которого трудно найти выход, – размышляет вслух Топчибашев. – *Как это все случилось столь неожиданно. Ведь еще вчера...*». «Да, вчера сила была на нашей стороне, – прерывает его Рауф-бей. – Сегодня этого уже нет» (стр. 34-36).

16 ноября 1918 г. следующий **министр иностранных дел Турции Мустафа Рашид-паша**, несмотря на предварительную договоренность, принимает Алимардана Топчибашева буквально на бегу: он ждет британского адмирала Гальтропа и явно показывает, что Британия для Стамбула значительно важнее Азербайджана (стр. 52).

25 ноября 1918 г. очередной **военный министр Турции, маршал Абдулла-паша**, ссылаясь на ситуацию в стране, прямо отказывает Азербайджану в любой поддержке: «Теперь вы остались одни и сами по себе; мы вам помочь не можем, вы должны сами о себе позаботиться». «Но вам известно, что единственно озабочивающий нас теперь вопрос – это добиться признания нашей независимости», – взывает Алимардан Топчибашев. «Конечно, на мирном конгрессе наши представители помогут вам, чем в силах, но сейчас, к сожалению, мы ничего не можем для вас сделать: мы бессильны, мы побеждены...», – жалуется Абдулла-паша и добавляет: – *Да притом теперь вообще правительства от всего устраняются не только у нас, но и везде.* Читали речь Гендерсона? Он прямо говорит, что на мирном конгрессе будут говорить и действовать не правительства и их представители, а лишь народы и их представители. Может быть, это и лучше. Вот надо и вам, как народу, готовиться к мирному конгрессу. Сообщите об этом вашему правительству» (стр. 71-72).

В том же духе проходят и другие встречи с турецкими государственными чиновниками. Чем дальше, тем менее любезен Топчибашев, понимающий, что его просьбы не выполняются, а обещания помощи – хотя бы организационной и дипломатической – ничего не значат. «Сейчас я и г. министру говорил, что вы все забыли наш Азербайджан», – не скрывает своих чувств азербайджанский представитель, случайно увидев 9 января 1919 г. в коридоре министерства иностранных дел Турции **мушташара (советника министра) Ришад Хекмет-бея**. «Этого не может и не должно быть, – вяло возражает чиновник. – Но только мы все это время сильно обременены. Есть ли у вас сведения об Азербайджане?» – «Откуда могут быть сведения, когда вы не посылаете моих телеграмм и возвращаете обратно». – «Это не наша вина. Мы с большим удовольствием...» – «Затем я просил вас установить между мной и антантистами контакт. Вы записали это и обещали сообщить, я ждал некоторое время». – «Мы обсудили и решили, что лучше вам самим вступить в непосредственные с ними переговоры» (стр. 110). Турки заняты своими делами, которые оставляют делать много лучшего, и дела и чувства «младшего брата» волнуют их в последнюю очередь.

«Вопрос именно в спорности территории Карабаха»

Значительное внимание на переговорах с турецкими государственными деятелями уделялось вопросу азербайджанско-армянских взаимоотношений. Очевидно, что позиции официального Баку за прошедшее столетие абсолютно не изменились. «С

самого начала образования нашего государства мы сочли долгом идти в полном согласии с государственной политикой Турции, – комментирует Топчибашев призыв **Талаат-паши** к мирному сожительству с соседями – грузинами и армянами. – ...Но должен откровенно сознаться в крайней трудности достигнуть этой благой цели, ибо если мы можем сойтись мирно еще с грузинами (*даже это, как видим, вызывало у автора сомнения - прим.*), то это представляется очень трудным с армянами, в искренности коих наши мусульмане давно изверились. Достаточно указать на их поведение сейчас; у них столько ориентаций, сколько существует держав»⁷ (стр. 11).

«Мы боимся, что не удастся сойтись с армянами, у которых чрезмерные аппетиты и которые, в целях удовлетворения своих намерений на чужой, т.е. за наш счет, чуть не во всех столицах действуют в ущерб наших интересов, **выставляя нас за нацию, неспособную к государственной жизни и непримиримую с другими народностями**», – жалуется Топчибашев **министру иностранных дел Турции Ахмеду Насими-бею**. «Я понимаю ваше заявление, касающееся соседей, но все-таки мирная жизнь с ними – необходимое условие существования для них и для вас», – увещевает его турецкий дипломат (стр.14). Представить данный диалог в наши дни не сложнее, чем сто лет назад.

С **новым министром Наби-беем** беседа идет уже непосредственно о Карабахе. Перечисляя входящие в него «четыре санджака», Топчибашев заверяет, что «все они входят в состав территории Азербайджана, и наше правительство имело право посылать в эти районы свои войска для восстановления на своей территории спокойствия, нарушенного бандами такого авантюриста, как Андроник». Между тем, армяне «забили тревогу и по обыкновению кричат везде об этом обстоятельстве» (*азербайджанской карательной операции - прим.*). Он просит министра не предпринимать в этой связи никаких шагов. «Никаких шагов в этом отношении не предпринято, – отвечает Наби-бей. – Но с точки зрения момента желательно, конечно, от подобного рода действия, как посылка войск, воздержаться». «Должен доложить, что, вопреки заявлению представителей армян, это – наши войсковые части и они отправлены на нашу же территорию, настаивает Алимардан-бек. – Во всяком случае, я удовлетворен» (стр. 24-25).

«Я не верю, чтобы учинялись насилия над армянами, – продолжает он обсуждение карабахской темы на приеме у **мусташара министра иностранных дел Турции Ришад Хекмет-бея** 18 ноября 1918 г. – Думаю, все это сочиняется и преувеличивается, чтобы по обыкновению обратить внимание Европы, и теперь держав согласия, на армян, часто прибегающих к таким приемам» (стр. 63). Однако мусташар, ссылаясь на армянских представителей в Стамбуле, поправляет Топчибашева: «Вопрос не в водворении спокойствия, а в том, что **армяне оспаривают у Азербайджана Карабах, в котором, по их словам, большинство населения армяне. ...Словом, вопрос именно в спорности территории Карабаха**. Над всем этим надо сильно призадуматься. ...Не забывайте, что там, где армяне в большинстве, они неминуемо все равно возьмут верх, их поддержат все державы, особенно антантисты; наконец, это будет подходить и к требованиям принципов Вильсона».

⁷ К сожалению, на фоне антироссийских заявлений представителей отдельных политических партий и НПО современной Армении подобные подозрения поневоле возникают не только у топчибашевых, но и у многих дружественных наблюдателей.

Турецкий дипломат настойчиво предлагает азербайджанскому коллеге решить дело миром: «Согласитесь, что от присоединения или отторжения 5 или 10 селений Азербайджан не будет богаче или беднее». Разумеется, Топчибашев бросается в атаку: по его словам, речь идет о гораздо большей территории, говорить о значительном большинстве армян в Карабахе не приходится, но, несмотря на все это, «мы также сторонники миролюбивого разрешения вопроса». Затем коллеги переходят к обсуждению идеи конфедерации Азербайджанской, Армянской и Грузинской республик, к которой, по словам мусташара, «присоединится, вероятно, и Северный Кавказ».⁸ «Уверен, что при такой организации легче получить признание со стороны держав», - комментирует он практическую пользу подобного решения (стр. 64-65).

25 ноября 1918 г. **военный министр Абдулла-паша** говорит Топчибашеву, что «от нас антантисты требуют принятия мер к обезопасению армянского населения Карабаха», на что тот отвечает, что это **«старый вопрос» – ведь события в Карабахе происходили «месяца два тому назад»**.⁹ «Очень может быть, но от нас требуют обезопасить армян Карабаха, и мы должны это сделать», – разъясняет военный министр. «Раз им не угрожает опасность, о каких мерах можно говорить, – возмущается Топчибашев. – Это же несправедливо». «Ничего не поделаешь, когда перед нами торчат иноземные пушки, а у нас нет сил», – разводит руками Абдулла-паша (стр. 74).

При этом встреча с **председателем армянского Национального совета и армянской делегации на Парижской мирной конференции Аветисом Агароняном** 16 января 1919 г. проходит совсем в другом ключе. Тот называет грузино-армянские отношения «очень скверными», добавляя, что «грузины объявили нам форменную войну»: в столкновениях погибли представители обеих сторон, в Тифлисе шла «форменная облава на армян», которые задерживались тысячами, причем «невнимательность» грузин отражалась не только на простых людях, но и на членах официальной армянской делегации, которой отвели «одно купе в грязном вагоне 2 класса, в котором везли какую-то провизию». Отношения же с Азербайджаном, по словам Агароняна, «куда лучше. Правильно они налаживаются». Идея закавказской федерации представляется ему не очень привлекательной, причем именно из-за отношений с грузинами, обострившимися, убежден Агаронян, «из-за Тифлиса, на который будто мы, армяне, претендуем, а между тем, у нас никаких претензий на Тифлис нет».

«Как печально, что наши народы начинают свою жизнь самостоятельную при таких ненормальных отношениях! – констатирует Алимардан Топчибашев. - Я все же не теряю надежды на улучшение этих отношений и на достижение конечной цели – федерации». «Прекрасная идея! Посмотрим, что скажет конгресс», – отзывается Агаронян (стр. 127-132).

⁸ Идеи закавказской конфедерации с участием отделившегося от России Северного Кавказа, несмотря на их полную несостоятельность, активно обсуждались в девяностые годы, да и по сей день иногда всплывают в трудах кавказских пропагандистов разного толка.

⁹ Ссылки на «старый вопрос», когда речь идет о событиях двух-трехмесячной давности, демонстрируют особые отношения азербайджанцев со временем. Топчибашев действительно считает обсуждение столь «старого» вопрос совершенно не уместным.

«Я опасюсь, что ваша страна не совсем готова к независимой жизни»

Переживавшая сложнейший период своей новейшей истории Турция ничем не могла, да и не особенно стремилась помочь Азербайджану. Осознав это, Топчибашев сосредоточил усилия на информировании о независимой республике представителей европейских держав и США. Однако и они не испытывали особого желания заниматься азербайджанской проблематикой - конечно, когда вообще представляли, где находится это новое независимое государство. При этом они были хорошо осведомлены о реальном отношении азербайджанцев к армянам.

Показательна беседа с посетившим Топчибашева в гостинице Pera Palace (воистину легендарное место) **английским полковником Трамплом**. «Итак, вы из Азербайджана, не так ли, господа?» – «Да, господин полковник». – «Стало быть, вы персы, так как Азербайджан расположен в Персии». – «Нет, господин, мы из Кавказского Азербайджана». – «А, это Баку и окрестности, это там, не так ли? ... У вас есть географическая карта? (Показывают карту). *Где находится Карабах?*¹⁰ (Мы показываем). Мы слышали, что недавно вы отправили в Карабах экспедиционный корпус, который истребил там много армян, и что то же самое произошло в Баку во время захвата города объединенными силами турок и татар. Почти половина лиц армянской национальности была уничтожена турками, и нам было тягостно услышать еще об истреблении армян вами!» – «Господин, *события, о которых вы говорите, достаточно давние и имели место три месяца тому назад*. В настоящее время все вернулось в нормальное состояние и повсюду господствует самый полный порядок» (стр. 66-67).

Топчибашев приводит множество аргументов, осложняющих, по его мнению, решение карабахского вопроса. Поскольку подавляющее большинство мусульманского населения Карабаха живет за счет животноводства, «лишение их своих гор будет означать для них настоящую экономическую катастрофу». При этом, сообщает Топчибашев, представители армянского правительства неоднократно заявляли, что добровольно откажутся от притязаний на Карабах, если им будет предоставлен порт на берегу Черного моря; «они также удовлетворились бы обменом населения», поскольку в Эриванской губернии проживает около 200 тысяч мусульман, что равно числу армянского населения Карабаха.

«Что касается бесчинств, на которые вы намекаете, то будьте уверены, что они были взаимными», – заверяет Топчибашев, поясняя, что «к несчастью, *акты несправедливости, совершенные по отношению к нам, неизвестны в Европе, в то время как армяне имеют представителей в Лондоне, Париже и в Вашингтоне, где они кричат, преувеличивая факты, и добиваются у Европы и Америки заинтересованности в их делах*»¹¹ (стр. 67-68). «Все это очень интересно, – парирует полковник, по всей видимости, подавляя зевоту. – Но, хотя должен быть принят принцип свободы каждой нации выбирать свою судьбу, мне кажется, что *с обретением независимости всеми этими малыми государствами будут иметь место вспышки насилия, бесконечные конфликты между соседними и вашим народами*. Кавказ превратится в Балканский полуостров, который будет предметом постоянных тревог европейских держав». Что же предлагает британец Темпл? «Иметь

¹⁰ Нынешние полковники темплы и мистеры брауны, надо признать, хорошо изучили и географическую, и политическую карту Кавказа.

¹¹ Эту мысль практически дословно постоянно использует азербайджанская пропаганда в наши дни.

там силы, стоящие выше различных элементов, которые будут иметь задачей сдерживать насилие и установить порядок и спокойствие в регионе» (стр. 67), то есть тогдашний аналог нынешних миротворческих сил под эгидой ОБСЕ или ООН.

Игнорируя это предложение, Топчибашев рассказывает Темплу, что внешние противоречия «между элементами» на Кавказе являются следствием политики Российской империи «разделяй и властвуй». Но, несмотря на это дурное наследие, кавказцы прилагают все усилия, «и мы уверены в этом, *достичь создания кавказской конфедерации по образцу Швейцарии*».¹² Но даже это смелое заявление не может поколебать сомнения британца: «Ваш народ более развит, чем оттоманцы?» – «Да, несомненно». – «Каков процент грамотных у вас?» – «25%». – «*Я опасуюсь, что ваша страна не совсем готова к независимой жизни*».

Выяснив, что до захвата «Азербайджана» русскими эта территория находилась «под персидским господством», заместитель полковника Темпла интересуется: «Не считаете ли вы, что обязаны своим развитием русской культуре?». «Мы не скрываем, что вначале русская оккупация представлялась для нас благом, но в последнее время – чтобы помешать нашему народу ясно видеть пути своего освобождения – российское правительство беспощадно сдерживало наше развитие», – не отрицает Топчибашев. Он просит связать его с адмиралом Гальтропом, и Темпл обещает содействие, предупреждая, однако, что «адмирал получил формальные указания официально не принимать представителей государств, отделившихся от Российской империи. *Он не принимает даже украинцев*» (стр. 70). Встреча (которая так и не состоялась – Я.А.) возможна лишь в частном порядке. Полковник также просит передать ему «карту Кавказа с письменным представлением о вашей ситуации».

«**Американец мистер Браун**», не имевший в Стамбуле официальных функций, но игравший «роль в американском военном ведомстве и в то же время очень близкий к Вильсону человек», продемонстрировал еще более глубокое знание региона, чем полковник Темпл. «*Ах, Азербайджан! Вы, значит, из армян?*», – начинает он беседу с Топчибашевым 23 декабря 1918 г. Тому приходится объяснять реальное положение дел. «А, Баку! – выказывает понимание американец и просит секретаршу принести атлас. – *Я очень прошу вас показать мне ваш Азербайджан и главные его пункты*». После этой демонстрации азербайджанский представитель вручает Брауну меморандум с рассказом о своей стране и уходит (стр. 87).

Представитель Итальянского королевства **граф Сфорца**, будучи нездоровым, 31 декабря 1918 г. вовсе не принимает Топчибашева, заверив его через секретаря в полной поддержке малых народов со стороны Италии (стр. 88). В аналогичной поддержке со стороны Швеции уверяет его и **шведский посланник Анкархверд**, советуя представителю Азербайджана ознакомиться с положением его страны «большие круги», хотя именно этим Топчибашев и занимается (стр. 91).

Значительно занимательнее беседа Топчибашева с **американским дипломатическим представителем в Турции Хэйком**, сменившем мистера Брауна. Азербайджанский дипломат приходит к нему 6 января 1919 г. В это время Хэйк принимает американского посланника в Тегеране, приехавшего с персидской делегацией, но заминка длится всего несколько минут. Он рассказывает Топчибашеву,

¹² Из чего приходится делать не вполне серьезный вывод, что нынешний интерес Швейцарии к ситуации в Закавказье далеко не случаен.

что знает арабский и персидский, а также довольно долго жил в Константинополе. Хэйк выражает сомнения относительно солидарности народов Кавказа, но делает вид, что верит словам Топчибашева о его наличии на основе общей ненависти к царскому режиму. **«Как вы думаете, согласились бы ваши народы опять быть с Россией?»**, – спрашивает американец о том, что его действительно интересует. «Я не сомневаюсь, что ни один из кавказских народов не захочет больше жить совместно с русскими», – уверяет Топчибашев, ссылаясь на разницу мировоззрений и утверждая, что **«мы видим в американцах наилучших друзей и покровителей»**.¹³ Однако Хэйк не предлагает ничего конкретного, кроме обещаний передать азербайджанский меморандум своему правительству (стр. 98-99).

«Прежде всего, Россия сама ушла от нас, а не мы от России»

Охваченная гражданской войной Россия, не контролирующая свою территорию, также не думала об Азербайджане. По-своему трогательна встреча старых знакомых по Государственной думе – бывшего депутата Алимардана Топчибашева и **бывшего министра иностранных дел российского временного правительства Павла Милюкова**. «А-а, мое почтение, очень рад вас видеть, – приветствует коллегу Милюков 7 декабря 1918 г. в стамбульском отеле «Токотлиан». – **Про вас ведь тоже писали, что вы расстреляны в Баку или Тифлисе – не помню**. **«Интересно, как вы и ваши друзья спаслись?»**, – парирует Топчибашев. Милюков кратко обрисовывает ситуацию в Петрограде, подробно – состояние дел в большевистской и добровольческой армиях, рассказывает, что «Россия, что называется, начинает собираться и организовываться у вас на Кавказе», то есть на Кубани и на Дону.

«Главнейшее – это освобождение нас от большевиков: если сойдут со сцены большевики, Россия будет спасена», – резюмирует Милюков (стр. 81). «А как же отделившиеся части?», – вопрошает Топчибашев, говоря о трех закавказских республиках. И Милюков начинает влиять: «Я понимаю, что ваши народы должны были спасать себя и в этих видах образование ваших республик естественно, вы должны были так и поступить». С другой стороны, в этом «нельзя не видеть дела рук немцев и их восточной политики за последнее время». «По поводу вашего заявления о немцах можно спорить, ибо это вряд ли так, но **совершенно верно, что Россия сама ушла от нас, ушли сами войска, ушли власти**, – возражает Топчибашев. – Ну, а дальше, какое будет отношение к отделившимся?». Но разве от Милюкова добьешься прямого ответа? «Дальше? – раздумывает он. – Трудно сказать: очень сложно и запутанно. Конечно, важно решение самого населения таких частей. Впрочем, для нас сейчас важнее всего центральная Россия. А как вы думаете?». – «Я думаю, что народы уже решили свою судьбу, и в том числе мы, азербайджанцы».

И здесь Азербайджан действительно показывает себя достойным младшим братом Турции. О том, что по итогам Первой мировой войны «одна наша надежда, без сомнения, сбылась: это развал царской России», с удовлетворением говорит в ходе первой встречи с Топчибашевым 2 октября 1918 г. **великий визирь Турции Талаат-паша**. «Это наше действительное приобретение, которое должно иметь хорошие последствия для нас, как и для вас, для всех народов России, и в частности Кавказа», – констатирует чиновник (стр. 9-10).

¹³ Точно такие же заявления неоднократно звучали из Баку в девяностые-двухтысячные годы, однако, как и в 1918 г., не были услышаны в Вашингтоне.

Возвращаясь к беседе с Милюковым, очевидно, что он не представляет и ситуацию в Поволжье, да и не особо интересуется ей: «Ведь мусульмане сами везде устраивают свою жизнь и тяготеют к Турции. И притом я вот сейчас вижу вас первого из мусульман за все это время» (встреч с армянами и грузинами было достаточно много). «Я тоже сожалею, что так игнорируются мусульмане внутренних губерний, – раздражается Топчибашев. – Ведь они-то во всяком случае в России и с Россией. **О каком тяготении их к Турции можно говорить? Неужели и после этого будут совершаться и повторяться прежние ошибки в отношении мусульман!**».¹⁴ Милюков вяло соглашается, что «ошибок в прошлом было много» (стр. 84-85). Не говорит он лишь о том, что многие из них – на его совести.

Иное, но столь же тягостное впечатление оставляет запись беседы Топчибашева с **бывшим министром иностранных дел Российской империи Сергеем Сазоновым**, состоявшейся 5 января 1919 г. Обругав Милюкова за «нетактичность» и отсутствие понимания происходящего («достаточно сказать, что Милюков стал держаться немецкой ориентации как раз в тот момент, когда уже общее поражение немцев было несомненно», стр. 93), Сазонов обрушивается на самих немцев, а потом и на грузин. «Скажите, пожалуйста, какое могут образовать государство грузины: ведь они же – нищие, у них ничего нет?», – вопрошает бывший министр. «А марганец, а леса и прочее?», – возражает Топчибашев. «Вот единственно – марганец, – соглашается Сазонов. – Но на этом далеко не уедешь». «Видите ли, **несмотря на всю важность экономических вопросов, дело все же не в них пока**», – теряет терпение Топчибашев.

Он рассказывает собеседнику об отделении от России трех закавказских республик, поясняя, что, в частности, азербайджанцы, «как народ отсталый и во всяком случае далекий от крайних социалистических тенденций, находят, что они не в состоянии идти нога в ногу с русским народом, не будучи в силах усвоить и перенять жизнь на основах социализма-большевизма». «Значит, татары на Кавказе, т.е. мусульмане, уже похоронили Россию и поставили на ней большой крест?!», – возмущается Сазонов. «Нисколько, – успокаивает его Топчибашев. – Напротив: мы, азербайджанцы, желая идти своей дорогой и жить по своим представлениям и силам, тем самым облегчаем задачи будущей России из чисто русских провинций и с чисто русским населением. Такой России мы всегда будем желать счастья. Затем мы, азербайджанцы, хотели жить в дружном сожительстве с нашими соседями грузинами и армянами и намечаем образование единой федеративной республики наподобие швейцарского союза». «Вряд ли это окажется возможным: слишком большая разница между народами Кавказа, – справедливо отмечает Сазонов. – Особенно с вами не пойдут армяне».

Бывший министр напоминает Топчибашеву, что «кавказские мусульмане очень расположены к русским и не хотят отделиться от России», о чем ему рассказывали русские чиновники, которых прекрасно принимали в Елисаветполе (*ныне Гянджа – прим.*) и других местах, тогда как «грузины гнали из Тифлиса, отстраняли от службы и проч.». «А теперь вы говорите о сепаратизме тех же мусульман, которых в России мы вообще очень любим! – восклицает Сазонов. –

¹⁴ Абсурдные и не имеющие ничего общего с действительностью подозрения относительно «ориентации на Турцию» предъявляются казанским татарам вплоть до сегодняшнего дня.

Конечно, вам лучше их знать!». «Позвольте сказать вам, что *прежде всего, Россия сама ушла от нас, а не мы от России*», – прерывает его Топчибашев (стр. 95-96).

Рассказ о второй беседе с Сазоновым (6 января 1919 г.) начинается с описания салона Pera Palace, где в тот день собралась вся персидская миссия во главе с министром иностранных дел, к которой чуть позже присоединился и американский представитель Хэйк. Там же были и новый испанский посланник с секретарем, и греческий представитель, множество русских, английские и французские офицеры и моряки. 58-летний Сазонов говорит Топчибашеву, что «внешняя физиономия Константинополя за последние 10-15 лет резко изменилась»: на улицах города, даже в чисто турецких кварталах, все меньше женщин в чадре, «разве только с легкой вуалью». Собеседники продолжают прерванный днем ранее разговор о принципиальной, мировоззренческой, по мнению Топчибашева, невозможности для азербайджанцев, да и для всех кавказцев, продолжать находиться под русским правлением.

«Россия дала всем окраинам все, что она сама имела, – не соглашается Сазонов. – Мало того, она себя обижала и давала вам. ...И как только мы избавимся от большевиков, мы скажем народам, желающим отделиться от России: а пожалуйте-ка обратно, опять к нам». Кроме того, отмечает он, на отделение Кавказа от России не согласятся, прежде всего, союзники: «поверьте, они раньше нас скажут это вам, грузинам, армянам». «Я убежден, что *народы Кавказа не в состоянии жить самостоятельно*, – констатирует Сергей Сазонов. – Ну скажите, пожалуйста, могут образовать свое государство эти глупые бараны-грузины?! ...Армяне - народ куда интереснее. А ваши азербайджанцы не желают отделяться от России, хотя вы теперь говорите обратное». Самостоятельно, по его мнению, способны жить сербы или чехи, но никак не украинцы или кавказцы. Крайне скептичен он и по отношению к принципам Вильсона: «это одна идеология!», которая не будет иметь решающего значения (стр. 103-105). В этом самодовольный бывший министр оказался прав.

«Самостийная Украина – одно недоразумение, она не может жить без России»

Украинский вопрос также неоднократно затрагивается в «Дипломатических беседах». Описание встречи Алимардана Топчибашева с **украинским посланником в Турции Суковкиным** оставляет столь острое ощущение злободневности обсуждаемых вопросов, что ее дата – 15 ноября 1918 г. – кажется какой-то ошибкой. «Украина не будет против федерализации отдельных государств, образовавшихся в разных частях России, – излагает Суковкин политическое кредо «самостийников». – Такая федерализация может быть наподобие Штатов Северной Америки. Но *нельзя допустить, чтобы снова могло образоваться и существовать единое Российское государство, как раньше. Это немислимо*».

Впрочем, обрисовывая положение «самостийников» и симпатии простых украинцев к большевикам, украинский посланник демонстрирует определенный здравый смысл и прогностический талант. «Тем не менее сейчас нам приходится смириться с держами согласия, которые, быть может, уже составили свою карту для всех нас и по-своему определили наши судьбы», – говорит Суковкин практически то же, что несколькими днями ранее – Рауф-бей. «Ну а где же тогда принципы Вильсона?», – наивно или, скорее, растерянно спрашивает Топчибашев. *«Знаете, эти принципы принципами и могут остаться»*, – доверительно сообщает Суковкин. И Топчибашев берет себя в руки: «Возможно. И я не особенно на них полагаюсь. Это еще больше говорит за необходимость совместных шагов» (стр. 49-50).

Проходит совсем немного времени, и в разговоре с Милюковым Топчибашев делится своим заключением – Украина больше самостоятельно не желает существовать»: вот и посланник Суковкин спустил на своем пароходе «Александр Михайлович» национальный украинский флаг и поднял андреевский. Милюков говорит о помощи, обещанной «нам и Украине» союзниками для борьбы с большевиками, отмечая, однако, что «до сих пор пока этой помощи нет» (*она так и не пришла – Я.А.*) (стр. 79-81).

Мнение же бывшего министра иностранных дел Российской империи Сергея Сазонова по поводу украинской независимости абсолютно определено: **«самостийная Украина – одно недоразумение, она не может жить без России»** (стр. 105). «Из среды самих интеллигентных малороссов нет никого, искренне желающего отделения от России. Это и понятно, ибо никакой разницы между ними и русскими, т.е. великороссами, нет», – отмечает Топчибашев в заметках на полях встречи с Сазоновым (стр. 106).

Однако в начале 1919 г. ситуация принципиально (хотя и вновь ненадолго) меняется: к власти в Киеве приходит «национально-украинское правительство, которое и будет действовать в духе самостоятельности». 12 января 1919 г. украинский посланник в Болгарии А.Шульгин убеждает Топчибашева, что «теперь никакой примеси начал всероссийского единения не будет. Украина была и останется самостийной». Забавно, что, как и спустя столетие, в те годы Киев был настоящей Меккой для разного рода русских «деятелей»: «Все находили приют у нас. Мы охотно их принимали, так как многие сами предлагали нам свои услуги». Правда, тогдашние русские вместе с гетманом Скоропадским намеревались «на шею украинцев восстановить старую Россию» (стр. 121).

Независимость Украины на тот момент, по словам Шульгина, была признана не только Германией и ее бывшими союзницами, но и Францией и Англией. «Не думаю, чтобы теперь державы все подняли вопрос о нашей независимости, – предполагает он. – Впрочем, кто знает... Во всяком случае, к другим народностям, как к азербайджанцам, грузинам и др., отношение Украины, я могу сказать с уверенностью, было и остается благоприятным, дружеским».¹⁵ «Этого-то нам и нужно», – завершает разговор Алимардан Топчибашев (стр. 123).

«Значит, Персия предъявляет свои права на наш Азербайджан?»

Гораздо большее понимание ситуации – как и желание изменить ее в свою пользу – демонстрируют представители Персии и ислама. Показательна беседа Топчибашева с **шейхом-уль-ислам Турции** «родом из Дагестана».¹⁶ «Я очень интересуюсь Азербайджаном и Дагестаном, ведь это одно и то же, один и тот же Кавказ, разницы нет. Не так ли?», – приветствует его глава мусульманского духовенства 28 октября 1918 г. «Совершенно верно: **мы тоже не отделяем Дагестан от Азербайджана**», – заверяет Топчибашев (стр. 28).

Среди прочего, он жалуется шейх-уль-исламу на отсутствие в Азербайджане «хорошо подготовленных, просвещенных мулл и вообще духовенства», что, по его

¹⁵ Нынешняя «самостийная Украина» в прочном тандеме с либеральными кругами Вашингтона пытается поддерживать как российскую оппозицию, так и Грузию и другие государства, противостоящие, по мнению Киева, «российскому империализму».

¹⁶ Омер Хулуси эфенди, занимавший этот пост в 1918 г.; в тексте по имени не назван.

словом, является результатом «стараний русского правительства, которое не только не давало должностей по духовному ведомству, но преследовало всячески тех мусульман, кои получали образование в Турции, Египте и Персии». «Как же, как же: я сам подвергся этой участи и потому не мог вернуться в родной Дагестан (село Инах, около Гуниба, в Аварии», – подхватывает религиозный деятель.¹⁷ И тут Топчибашев радуется его новостью, которая и сейчас, и тогда существовала лишь в воображении прогрессивных политических деятелей мусульманского происхождения.¹⁸ «Существовавший раньше пагубный взгляд на религиозную якобы рознь между шиитами и суннитами предан забвению и теперь этому обстоятельству никакого значения уже не придается». «Слава Аллаху, что на Кавказе уже сознали этот вред», – воодушевляется шейх-уль-ислам (стр. 30-31).

Рассказывая об административном устройстве российского мусульманского сообщества, Топчибашев говорит о трех муфтиях и одном шейх-уль-исламе, места которых «занимались обыкновенно слабыми людьми. Русское правительство этого и добивалось. Население к ним относилось не с должным доверием».¹⁹ Что касается недавно избранного муфтия Северного Кавказа и Дагестана Гаджи Наджмедина эфенди, то «он не оправдал наших ожиданий. ...Он больше занимался житейскими делами: он человек богатый и имеет стада баранов».²⁰ Кроме того, «он находил, что в мусульманском мире должен быть лишь один язык – это язык арабский». «Быть может, было бы хорошо, если бы все мусульмане говорили на языке Корана, – рассуждает в ответ шейх-уль-ислам. – Но это невозможно, ибо каждый народ любит и должен любить свой родной язык, который ему и дорог как свой. Не только турки, но никто не может отказаться от своего родного языка» (стр. 32).

Еще более поразительно современная беседа состоялась 16 ноября 1918 г. с **иранским посланником в Турции Мирзой Махмуд-ханом**. Персидский дипломат, даже не вспоминая о восточной учтивости, с одной стороны, заявляет Топчибашеву, что персы «от души рады вашей свободе», с другой ставит вопрос ребром: «Но вы назвали ваше государство «Азербайджаном», что это означает? *Означает ли это притязание ваше на настоящий Азербайджан, который находится в пределах Персии?»*».

Дальнейший диалог захватывает и сейчас, через столетие. Топчибашев пытается объяснить, мол, «Азербайджан» – всего лишь географический термин, но персидский посланник зрит в корень: «Нет, Excellence. *Тут больше, чем одна география*. Далее, вы себя считаете азербайджанскими турками. Между тем, в Азербайджане – вообще на Кавказе и в Персии – нет вовсе турок: все персы, ваши

¹⁷ Большинство представителей российских силовых структур и сейчас крайне подозрительны по отношению к выпускникам зарубежных исламских учебных заведений. Отчасти их озабоченность оправдана, но лишь отчасти, - тем более, что полноценная система исламского образования в России до сих пор не создана.

¹⁸ Перед Первой мировой войной Топчибашев и его друзья и коллеги неоднократно обсуждали проблему шиитско-суннитского противостояния, приходя к необъяснимому сейчас выводу, что в самом скором будущем данные противоречия перестанут иметь для мусульман какое-либо значение.

¹⁹ В нынешнем российском мусульманском сообществе в целом бытует аналогичное мнение.

²⁰ Такие примеры также известны современной истории северокавказского мусульманского сообщества.

отцы и деды – все были персами». «Разрешите мне...», – пытается возражать Топчибашев, но персидский посланник «с волнением прерывает» его, требуя слушать дальше: «У вас цивилизация, культура, традиции, обычаи, даже костюм – все персидские». Впрочем, Махмуд-хан возлагает вину за эту «фатальную ошибку» на Стамбул, где «вместе с немцами явно создавались планы, направленные против нас», а Баку является лишь разменной монетой в этих раскладах.

Топчибашев, в изумлении выслушавший эту горячую речь, осторожно напоминает персидскому посланнику: «ведь вы же, насколько я знаю, туркофил». «Да, это верно, - не отрицает дипломат. – Но верно и то, что я туркофил или франкофил (*беседа велась на французском – Я.А.*) лишь для Персии, ибо я прежде всего персофил, люблю именно свою страну и должен охранять ее интересы». Далее он констатирует, что является верующим мусульманином, предан религии и почитает Коран, и вспоминает, как рассказывал свой сон о падении одного из минаретов Айя-Софии сидевшему «вот на этом самом кресле, на котором сейчас вы» Талаату-паше. «К большому несчастью, сон сбылся и пал скоро Багдад, – напоминает Махмуд-хан. – ...Эти господа (*тогдашнее турецкое руководство - прим.*) погубили страну свою, хотели погубить и нас». Он обвиняет турок в коррупции и разврате, обещая Топчибашеву «быть полезным, чем смогу» (стр. 52-54). Не трудно представить, однако, в каком смятении покидал последний персидское посольство.

Встреча с **персидским министром иностранных дел Мушаверелем Мемалеком Ага Гули-ханом**, последовавшая 11 января 1919 г., несколько сгладила впечатления. Прежде всего, министр сообщает Топчибашеву, что Персия признает все три закавказские республики, особенно сочувствуя Азербайджану, независимость которого «выгодна нам во всех отношениях, и прежде всего, как некоторая гарантия против будущей России». При этом он выразил сомнения и в возможности «удержания независимости», и в реалистичности планов создания закавказской конфедерации - в первую очередь, потому что «грузины и в особенности армяне не пойдут с вами».

Не дав даже формальных гарантий поддержки Азербайджана на предстоящем мирном конгрессе, персидский министр открыто говорит, что этот международный форум «не может игнорировать исторических прав»: «нам хорошо известно положение ханств Закавказья, подчинявшихся власти персидских шахов». «Т.е., значит, Персия предъявит или предъявляет свои права на наш Азербайджан? – не скрывает своих чувств Топчибашев. – ...Что же, если у нас не хватит сил и мы окажемся беспомощными, то возможно, что такая комбинация, как у нас с Персией, получит осуществление!». Стороны договариваются обдумать эту возможность (стр. 115-119).

15 января 1919 г. персидский министр говорит об этом уже совершенно определенно: «Не знаю, каково ваше окончательное решение, но мне кажется, **вопрос о вашем Азербайджане можно было разрешить всего удобнее для вас в смысле союза и единения с Персией**». «Как?!» - только и может воскликнуть Топчибашев. Министр поясняет, что имеет в виду не полную зависимость от Тегерана – «ваш Азербайджан сохранит, конечно, внутреннюю автономию». Азербайджанского представителя задевает, что этот вопрос вообще не обсуждался с руководством страны, однако персидский министр прямолинеен: «В настоящих условиях никакие представители из Тегерана в Баку и обратно отправляемы быть не могут» (стр. 124-125). Оформить все это предлагается на мирном конгрессе, однако к тому времени обстоятельства в очередной раз полностью меняются.

«С очаровательной улыбкой, весь сияя...»

Алимардан Топчибашев снабдил свои записи короткими замечаниями, рисующими яркие портреты собеседников. Насими-бей встречает его «с весьма приятной улыбкой», Энвер-паша - «с очаровательной улыбкой, весь сияя», Наби-бей «принимает очень тепло, стоя посредине кабинета», на лице Мустафы Рашид-паши, ожидающего британского адмирала Гальтропа - «нервная тревожность, он разводит руками и с умоляющим лицом смотрит на меня»

Образы этих политических деятелей, как и самого автора, встают перед нами, как живые. Совсем не сложно представить, с какой «очаровательной улыбкой, весь сияя» знакомился бы с нынешними политическими реалиями тот же Энвер-паша. Посмотрев пару дней популярные телепередачи и интернет-сайты, он легко смог бы вникнуть в суть происходящего, поскольку она совершенно не изменилась.

Со времен описываемых событий прошло сто лет, но движущие силы и направляющие Истории все те же – разве что Великобритания во многом утратила ведущую роль, уступив ее США, да о принципах Вильсона никто уже не вспоминает. Чиновники, дипломаты, самостийники, «русские деятели», «мистеры брауны», отели, переговоры - все осталось прежним, как и общая ситуация в регионе Большого Кавказа - Ближнего Востока.

И все-таки что-то – должно быть, суть времени – неуловимо изменилось. Возможно, именно поэтому чтение «Дипломатических бесед» воскрешает в памяти кадр из фильма «121» современного татарского режиссера Салавата Юзеева. Казанский литератор и просветитель Фатих Амирхан, волей автора ленты перемещенный из начала XX века в наше время, с улыбкой говорит пареньку-журналисту: «Дорогой, мы гораздо реальнее вас».

